Дарья С. Рудь
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Дискурсивные репрезентации жилища рабочих на примере построек СССР и КНР

Описаны особенности современной дискурсивной репрезентации построек, созданных для «непарадного» повседневного использования в социалистических городах. Рассмотрены модели репрезентации жилых комплексов для рабочих в двух странах: России (один квартал, Москва) и КНР (два квартала, Тайюань и Ухань). В контексте концепции памяти А. Ассман рассматриваются стратегии, выбираемые агентами для описания жилых кварталов. Нарративы во всех кейсах включают легитимный дискурс коллективной памяти о годах постройки кварталов: формирование фундамента индустриального подъема в КНР и вклад выдающихся деятелей советского авангарда в архитектурную историю СССР.

Прошлое китайских заводских кварталов и связанная с ним система репрезентаций предстают понятными и консистентными для жителей и посетителей извне. История московского жилмассива требует экспертного знания и специальных мероприятий для трансляции знания как гостям, так и самим резидентам. Аутентичные черты, выдвигаемые как особо ценные и подлежащие сохранению, совпадают в экспертных и «обывательских» нарративах для кейсов КНР; в случае Москвы экспертный дискурс становится ведущим. В то же время память касается и проблемных с точки зрения официального дискурса исторических событий, имевших отражение и на исследуемых территориях, — «культурной революции» и Большого террора.

В российском кейсе данные воспоминания отсутствуют на уровне жителей, однако информация переносится из архивов в пространство локальной публичной памяти, включена в выставочные и экскурсионные нарративы. В КНР воспоминания о травматичных событиях существуют в индивидуальной и социальной памяти, проявляясь не-

Рудь Дарья Сергеевна — магистр городского планирования (Huazhong University of Science and Technology), аспирант департамента социологии НИУ «Высшая школа экономики». Научные интересы: социология города, культурное наследие социалистического периода, постсоциализм. E-mail: daria.rud.moscow@gmail.com

Daria S. Rud — MS in Urban Planning (Huazhong University of Science and Technology), PhD candidate at sociological department of National Research University Higher School of Economics. Research interests: urban sociology, cultural heritage of socialist period, postsocialism. E-mail: daria.rud.moscow@gmail.com

посредственно в коммуникации (интервью). Исследование позволяет внести вклад в «постсоциалистическую этнографию», зафиксировав некоторые общие и частные черты в современном дискурсивном представлении функционально схожих объектов городской среды, созданных при установлении социалистической идеологии на национальном уровне.

Ключевые слова: постсоциализм, жилище, память, травма

Daria Rud, Higher School of Economics, Moscow, Russia
Discursive representations of workers' habitat: USSR and PRC dwellings examples

This article describes today's discursive representation features of buildings created for "non-regular" everyday use in socialist cities. Descriptions of residential complexes for workers in two countries are used as empirical base: one case in Russia, Moscow, and two cases in China, Taiyuan and Wuhan. We use collective memory concept by A. Assman to analyze strategies implied by different agents to attract attention to the described residential quarters. For all cases, narratives include a legitimate discourse of collective memory on the years of construction, i.e. glorious start of industrial progress in the PRC and making of yet another Soviet avant-garde architectural masterpiece in the USSR. For Chinese cases, representations are clear and consistent for residents, experts and visitors from outside; Moscow case requires expert knowledge and organization of special events to transmit knowledge to guests and even residents. Authentic features, nominated as valuable and subject to preservation, coincide in expert and "philistine" narratives for cases of the PRC; in Moscow case, expert discourse becomes the leading one.

At the same time, in both cases troubled memories of national historical events could be found: "cultural revolution" and the Great Terror. In Moscow, these memories are not presented at the residents level, however, corresponding information is transferred from archives to local public memory, being included in exhibition and excursions. In the PRC, memories of traumatic events exist in individual and social memory, manifesting themselves through direct communication. The study contributes to "post-socialist ethnography" by highlighting universal and particular features of discursive representations.

Keywords: postsocialism, habitat, memory, trauma

doi: 10.22394/2074-0492-2017-4-172-196

1. Постсоциалистическая среда

Коммунистические режимы, установившиеся в СССР, странах Восточной Европы и Азии в течение XX века, активно меняли облик городов: через топонимические преобразования, постройку и замену значимых и центральных объектов, обустройство повседневности горожан не только в центре, но и на периферии. Сегодня

объекты социалистической архитектуры продолжают служить повседневным задачам своих городов, а также становятся частью общественных процессов, касающихся коллективной памяти.

С 1980-х годов появляются работы, направленные на анализ потребления в «индустрии наследия» [Colomb, Novy, 2016; Hewison, 1987] и фетишизации культурно-исторической аутентичности [Harvey, 2001; Zukin, 1995]. Волна критических исследований, связанная не только с национальной, но и посткоммунистической памятью и идеологией, развивается в 2000-е годы благодаря авторам, описывающим культурное наследие постсоветского пространства [Stanciugelu, Țăranu, Rusu, 2013; Negussie, 2007; Czepczyński, 2008; Poria, Ivanov, Webster, 2014; Todorova, Gille, 2012]. Фокусом внимания становится нематериальное наследие — бренды [Bach, 2014], знаки городской повседневности, например светофор [Бартмански, 2011], монументальные акценты города: Берлинская стена, парк скульптур в Будапеште, дворцы съездов и т. п. [Light, 2000a]. Обычные районы, где располагались жилища рабочих, также становятся объектом исследования [Stenning, 2000].

В отношении как современной России, так и Китая принято говорить о переходе к постсоциалистической фазе по реформаторскому или инволюционному сценарию в первом случае и эволюционному во втором [Burawoy, Verdery, 1999, p. 11]. Формально термин «постсоциалистический» используется для описания государств, объединенных опытом прямого или косвенного управления коммунистически ориентированного правительства. В городских исследованиях характеристика «постсоциалистический» может подразумевать несколько вариантов использования. Во-первых, термин напрямую указывает на период городского развития, существенно отличающийся от подходов к развитию территории в ходе социалистического управления. Во-вторых, характеризует общество, чьи ценности могут быть связаны с сохраняющимся влиянием социалистических достижений, что в свою очередь может отражаться на современных траекториях развития города.

Именно этот аспект постсоциалистического мира связан с коллективными представлениями, ностальгией, памятью. Несмотря на всю несхожесть, с точки зрения продолжительности и характера, социалистический опыт продолжает оставаться существенной силой, влияющей на городской дискурс и идентичность, физическую среду. Столь разные города, как, например, Баку, Бишкек и Берлин, до сих пор сохраняют следы материального и нематериального наследия периода социалистического управления. В-третьих, определение периода с помощью приставки «пост-» может указывать на неопределенность современной ситуации. Несмотря на некоторую степень универсальности в архитектуре и структуре города, при-

внесенную в социалистический период, постсоциалистический урбанизм продолжает развиваться в различных направлениях [Diener, Hagen, 2016].

2. Память

Исследования социалистических объектов в постсоциалистическом мире, как правило, можно отнести к одному из двух направлений: во-первых, анализ потребления, в том числе туристического [Caraba, 2011; Light, 2000a; Light, 2000b]; во-вторых, изучение памяти и ностальгии. В данной работе постсоциалистические репрезентации объектов социалистической архитектуры рассмотрены с точки зрения теории коллективной памяти.

Различные варианты представления объектов публике, зрителям, мы обозначим как дискурсивные репрезентации[1] объектов, служащие опосредованному построению картины и восприятию социальной реальности. Работа репрезентации состоит, согласно С. Холлу, в придании смысла объектам, исходя из системы ценностей или принадлежности репрезентирующего субъекта [Hall, 1997]. Одним из примеров, выбранных Холлом для анализа репрезентаций, служит «национальное наследие» Великобритании: показана работа репрезентаций на поддержание образа национального государства и формирование определенной структуры коллективной памяти [Hall, 1999].

Для сравнительного анализа репрезентаций рабочих кварталов в постсоциалистических городах нами использована концепция культуры памяти А. Ассман [Ассман, 2014]. В данной концепции противопоставление между индивидуальной и коллективной памятью, усложненное уже М. Хальбваксом, детализируется до четырех формаций: памяти индивидуальной, социальной, культурной и коллективной, или политико-национальной.

Индивидуальная память служит в первую очередь для проработки индивидуального опыта; при этом ни Хальбвакс, ни Ассман не отрицают «социального фундамента» индивидуальной памяти, который также, на мой взгляд, можно назвать габитуальной природой: запоминается и затем выносится в коммуникацию то, что важно в конкретном габитусе. Анализ данного вида памяти целесообразно строить на данных индивидуальных биографических интервью. С целью рассмотрения публичных репрезентаций мы обратимся к более доступным нарративам, предъявляемым, по Ассман, в других видах памяти.

1 Далее по тексту термин «репрезентации» употребляется в значении «дискурсивные репрезентации».

Социальная память представляется результатом коммуникации и понимается как память поколенческая, т. е. разделяемая тремя-четырьмя поколениями. Социальную память Ассман называет «тенью, бегущей рядом с современностью», имея в виду неотделимость от недавнего прошлого, постоянно поддерживаемую коммуникативными актами с участием непосредственных свидетелей, членов их семей, поколений, в значительной мере разделяющих взгляды. Носитель социальной памяти — сама социальная группа и ее сообщения. Социальная память объективирована в коммуницируемых воспоминаниях, передающихся в рассказах (conversational remembering) и воспоминаниях ее носителей.

Для культурной памяти носителями являются «передаваемые и воспроизводящиеся культурные объективации в виде символов, артефактов, медиаторов, практик (...), в которых индивидуумы, будучи существами смертными, сменяют друг друга» [Там же, с. 19]. Культурная память существует за счет любых агентов, использующих и переосмысляющих символы того или иного опыта, не пройдя через него самостоятельно. Таким образом, по сравнению с социальной памятью она шире по составу участников, а смысл передаваемого опыта и символов может в значительной степени меняться.

Политическая, или коллективная память представляет собой наиболее унифицированную конструкцию, закрепленную политическими институциями и воздействующую «сверху». Такая память оформлена в более четкие формы, нежели другие: она «превращает ментальные образы в иконы, а нарративы становятся мифами» [Там же, с. 24].

3. Описание кейсов

В странах, прошедших опыт социалистического управления, развивалась дискурсивная практика представления рабочего класса — в форме идеологических высказываний, символических систем и сообщений, подкрепляясь материальным распределением благ, в частности, жилья. В последние годы интерес историков и антропологов к процессам дискурсивного оформления рабочего класса усилился [Stenning, 2005]. В нашей работе для сравнительного исследования выбраны дискурсивные репрезентации жилых домов для рабочих, построенных в первые пятилетки в СССР и КНР. В качестве релевантных кейсов рассматриваются три жилых квартала.

Стиль выбранных построек нельзя назвать единым: если московский кейс выполнен мастерами конструктивизма, то китайские представляют экспортированную из СССР стандартную для 1950-х модель рационального жилищного строительства (имена архитекторов не сохранились). Основанием для сравнения неоднородных

в стилевом отношении кейсов является общность политической и социальной среды, а также такие схожие явления, как победа нового режима после революции, значительные изменения в политике, в том числе социальной и жилищной, в отношении рабочего класса, попытка радикального изменения городского уклада.

Исследование дискурсивных репрезентаций проведено на материалах интервью с жителями и экспертами (собраны в 2014–2015 гг.), профессиональных отчетов и рекомендаций (2012–2015 гг.), текстов экскурсий, сообщений в блогах, СМИ (доступные онлайн для КНР и в базе «Интегрум» для Москвы с 2000 по 2015 г.), объявлений (2011–2015 гг.).

3.1. Жилмассив металлургического комбината, г. Ухань, Китай

Построен в 1954–1956 гг. одновременно с возведением комбината на месте деревенских построек на окраине города. Строительство велось в соответствии с проектом, разработанным в рамках программы помощи, получаемой КНР от СССР, в основном в сфере тяжелой промышленности. Договор «О дружбе, союзе и взаимной помощи» (в китайских источниках деятельность по договору более известна под названием «156 проектов») был официально принят в 1950 г., и в течение последующих лет для обмена опытом в Китай отправлялись группы инженеров, проектировщиков, научных и производственных руководителей.

По мере постройки корпуса заселялись сотрудниками комбината; на момент проведения интервью основной состав жильцов не менялся — это вышедшие на пенсию работники завода; плотность заселения, однако, снизилась за счет расселения изначально коммунальных квартир. Квартал представляет собой несколько обособленных дворов, сформированных стоящими по периметру трехэтажными красными кирпичными зданиями. Жилмассив включен в мастер-план города 2012 г. в качестве исторической зоны и рекомендован Департаментом земельных ресурсов и городского планирования Ухани к включению в список индустриального наследия. Металлургический комбинат в настоящее время успешно функционирует на китайском и мировом рынке, является собственником участка, где возведен жилой комплекс, обеспечивает некоторые льготы жителям. Открыт корпоративный музей комбината, небольшая часть экспозиции посвящена непосредственно жилмассиву. Как и описанный ниже квартал в Тайюане, жилмассив металлургического комбината не включен в туристические путеводители, однако регулярно становится объектом репрезентаций в блогах городских фотографов-фланеров.

Любопытно выявить работу образа металлургической промышленности в репрезентациях данного кейса. А. Стеннинг, анализируя пространство Нова Хуты в Польше, указывает, что в «социалистической мифологии» металлургов чтят в качестве авангарда пролетариата [Stenning, 2000]. Также стоит упомянуть другие работы, подчеркивающие иконографическую значимость рабочих, связанных с металлургией [Ярская-Смирнова, 2009]. Официальные репрезентации жилмассива, доступные непосредственно в районе, содержат в том числе яркие визуальные образы, связанные с производством стали; помимо очевидного обилия фотоматериалов в корпоративном музее данный мотив прослеживается и в досуговом центре для пожилых (рис. 1).

Рис. 1. Вырезка из бумаги в традиционной технике, иллюстрирующая процесс добычи руды в Ухани. Выставлена в Досуговом центре для пожилых.
Fig. 1. Ore mining in Wuhan premises. Traditional paper cutting technique. Displayed in local Center for elderly.

Репрезентации, рассчитанные на относительно массового читателя, например, блоги и СМИ, практически не содержат ни текстовых, ни визуальных отсылок к теме технологии производства стали. Период постройки квартала описывается с помощью конструкций общего характера — легитимных, широко используемых в современном официальном дискурсе Китая: первая пятилетка, индустриальный подъем, курирование Мао Цзэдуном стратегического производства металла. Такие репрезентации можно классифицировать как проявления политической памяти: лаконичные формулировки, не вступающие в противоречие с современной по-

весткой. Также часто затрагивается тема прошлого или современного уклада жизни рабочих, без уточнения их металлургической специализации.

Текстовые нарративы СМИ и блогов в основном скомбинированы из фактов, принадлежащих трем дискурсам: историческому (описание происходящего в городе и государстве в 1950-е), «ностальгическому» (романтизация истории, противопоставление современного мегаполиса тихому историческому кварталу пенсионеров) и экспертному (аргументы в пользу культурной и архитектурной ценности квартала, перспектив его ревитализации). Например, статья «Исторический город. В поисках воспоминаний о красных домах» в городской газете[1] включает интервью с доцентом факультета архитектуры и городского планирования о качестве, конструктивных и художественных особенностях построек, личные впечатления журналиста, а также несколько цитат из проведенных им бесед с жителями — их воспоминания о прошлом района. В качестве важного визуального элемента квартала эксперт предлагает красный кирпич: «Исследование зданий дает представление о развитии экономики и общества. Сам кирпич интересен и с точки зрения технологии, и с точки зрения сравнения с другими кирпичными кварталами в Китае». Красный кирпич довольно часто фигурирует в качестве важного символа данного жилмассива: на этом строительном материале фокусируются серии снимков блогеров и фотографов СМИ; один из вариантов названия квартала — «красные дома». В журналистской части той же статьи описаны впечатления очевидца: услышанные «стук кузнеца» и «кашель стариков», увиденные лавка с «дремлющими хозяевами», игры пожилых в маджонг. Интервью с местными жителями касается прошлого, а именно времени заселения, изменений в инфраструктуре, дворовой жизни, а также советских жильцов в 1950-х годы.

Репрезентации современного состояния квартала представляют местную среду безопасной для уязвимых групп, таких как дети и старики (рис. 2), и несовременной, чему нередко служит сепия на фотографиях, а также текстовые дополнения: «здесь меньше шума и суеты города, не столь ослепительны неоновые огни… Вечером в окнах видна жизнь каждой семьи в слабом свете лампы…». Таким образом подчеркивается хрупкость среды, ее «слабость» по сравнению с окружающим «новым» городом.

Другая «слабость» квартала, представленная не с ностальгических, а рациональных позиций, — низкое качество строительства.

1 http://www.changjiangtimes.com/2011/12/362449.html.

Рис. 2. Жилмассив металлургического комбината. Материалы городского форума (использованы фото из газеты).
Fig. 2. Steel plant residential district. Displayed on city Internet forum (using newspaper photographs).

Портреты Мао, зафиксированные фотографами в квартирах жильцов и фресках над входами в некоторые подъезды, никак не комментируются, но конституируют ностальгические чувства зрителя без дополнительных текстовых или вербальных объяснений. Наряду с красным кирпичом эти изображения можно расценивать как проявление политической памяти.

Помимо социалистического символизма в репрезентациях жилмассива часто встречается указание на китайскую национальную символику в устройстве квартала: его план напоминает иероглиф 囍 (*xi*), традиционно использующийся в свадебных декорациях. В онлайн-публикациях этот факт преподносится наравне с другими характеристиками квартала: так, в статье о квартале на интернет-странице «Ешь, пей, веселись в Ухани» в одном абзаце представлено сразу несколько репрезентирующих сообщений: информация о плане застройки в форме иероглифа, включение района в состав исторических районов города властями, впечатление «заповедника культуры рабочих». Данная «счастливая планировка» в форме иероглифа является общеизвестной характеристикой, воспроизводимой практически во всех интервью с жителями. Дополнительную известность район получил в СМИ благодаря победе киноленты в городском конкурсе короткометражного любительского кино: жилмассив используется в качестве основного места действия — молодожены-создатели фильма, по их собственным свидетельствам, выбрали его благодаря личной истории и упомянутому иероглифическому символизму.

1 https://tieba.baidu.com/p/1953973634?pn=2&red_tag=0393634261.

3.2. Жилмассив завода горно-шахтного оборудования, г. Тайюань, Китай

Построен в 1950–1955 гг. в составе единого комплекса с заводом в рамках советско-китайского договора о сотрудничестве. В 1950-е годы только в городе в Тайюане — столице северо-восточной угольной провинции Шаньси — реализовывалось 11 проектов в рамках договора «О дружбе, союзе и взаимной помощи» между СССР и КНР, в Шаньси в целом — 20. Завод горно-шахтного оборудования прекратил свое существование, поэтому участок земли с заводским кварталом находится, в отличие от жилмассива металлургического комбината, исключительно в муниципальном управлении. По архитектуре и планировочной структуре квартал схож с жилмассивом в Ухани: несколько обособленных дворов, окруженных трехэтажными зданиями. В отличие от Ухани в Тайюане использован сероватый кирпич из местной глины. Также здесь заметнее самостоятельные «интервенции» жильцов в пространство квартала: возведены незарегистрированные кирпичные сараи, кладовые, дополнительные помещения, обнесены оградами некоторые входы на первый этаж. Дворы разделяет оживленная главная улица, на которой расположена социальная служба, места для отдыха и досуга пожилых и детей, рынок, клуб (в настоящий момент в клубе функционирует лишь небольшое боковое помещение, где пенсионеры играют в маджонг и карты).

Городские власти предпринимают ряд действий по включению квартала в число исторически значимых мест города. Так, в 2009 г. установлены таблички, маркирующие исторический объект, в 2012 г. заказаны экспертные рекомендации по ревитализации района, поддержанию и работе с историческим образом. Однако в отличие от кейса Ухани в репрезентациях отсутствуют отсылки к специфике завода, по заказу которого в свое время построен квартал.

Важным элементом жилмассива, который акцентируется в нарративах различного уровня, являются высокие деревья — тополя, высаженные возле домов одновременно с постройкой. Например, в отчете по развитию исторического потенциала наследия данный элемент заявлен как уникальный и подлежащий охране наряду с другими характерными для облика района в 1950-х чертами.

> Снос двух хозяйственных зданий, защита имеющихся деревьев, восстановление ландшафта двора с особенностями 1950-х, в том числе модели отдыха, использование сада — условия для того, чтобы район стал катализатором устойчивого развития.

В СМИ деревья зачастую представлены на фотографиях и описаны в художественном ключе.

> Высокие деревья — в центре внимания. Их ветви переплетаются над крышами и защищают двор от солнца, словно зонтики.
> *Онлайн портал Sina.com, «Новости Шанси», 06.09.2012.*

В интервью с жителями также часто возникают спонтанные упоминания тополей.

> Я рос под этими деревьями с 6 лет, ...везде деревья, так жить комфортнее.

Визуальные репрезентации в целом схожи с фотографиями жилмассива в Ухани: помимо деревьев и зелени в изображениях часто фигурируют жители, их повседневные занятия; представлены небольшие детали интерьера и экстерьера (оконные рамы, дверные ручки, перила, дверные проемы и т. п., рис.3).

Рис. 3. Жилмассив завода горно-шахтного оборудования. Материал блога[1].
Fig. 3. Mining machinery plant residential district. Displayed in private blog.

Так же, как и в Ухани, часть нарратива посвящена ненадлежащему качеству жилья, однако в данном случае замечания касаются коммуникаций (водопроводных труб), а не самих построек. Достойный упоминания сюжет, который тем не менее фигурирует только в одной репрезентации жилмассива завода горно-шахтного оборудования в СМИ, — это представление жителей как сообщества.

> Не дожидаясь принятия мер со стороны властей, пенсионеры района самостоятельно организовали команду добровольцев для уборки улиц и дворов.

1 http://user.sxrb.com/photo/show.aspx?show=302.

В интервью жители также подчеркивают сплоченность с соседями, в некоторых случаях объясняя ее поцеховым заселением.

3.3. Хавско-Шаболовский жилмассив, г. Москва, Россия

Построен в 1928–1930 гг. по проекту Ассоциации новых архитекторов (АСНОВА) по заказу городского строительного ведомства в одном из заводских районов города — возле улицы Шаболовская. Квартал состоит из нескольких 5-7-этажных домов (этажность выросла во время реконструкции), организованных вокруг сквозной аллеи и расположенных под углом к соседним кварталам и магистралям. Среди жителей практически отсутствуют семьи первых обитателей: по-видимому, сказались эвакуация в годы ВОВ и реконструкция с отселением, проведенная в 1970–80-е годы. Комплекс имеет статус памятника архитектуры регионального значения.

Квартиры заселялись в основном покомнатно. В отличие от рассмотренных кейсов китайских жилмассивов первые жильцы Хавско-Шаболовского квартала поначалу представляли собой весьма неоднородную группу. В нее входили не только рабочие (например, щетинщики, строгальщики, кузнецы), но и обладатели более высоких должностных позиций, таких как заместитель директора базы «Мосбелье» или кассир-инкассатор. Об этом свидетельствуют данные проекта «Последний адрес»[1], а также мемуары писателя Г.Г. Красухина, жившего в одном из домов в детстве [Красухин, 2008].

На территории Хавско-Шаболовского жилого комплекса находятся Центр авангарда и галерея «На Шаболовке». Важной вехой в становлении этих организаций в современном виде стал эпизод с угрозой для расположенной неподалеку Шуховской башни весной 2014 г. Вокруг галереи с помощью активистов и ряда сотрудников Департамента культуры Москвы образовался пул людей и организаций, силами которых собраны подписи и проведены мероприятия в защиту башни. Одним из главных аргументов стала концепция «Шаболовского культурного кластера» — конгломерата авангардной архитектуры района, включающего также и сам Хавско-Шаболовский жилмассив. Позже жилмассив стал объектом студенческих мероприятий галереи: участникам предлагалось придумать новую концепцию квартала в терминах дизайна, архитектуры и городского планирования.

1 http://old.mospravda.ru/returned.

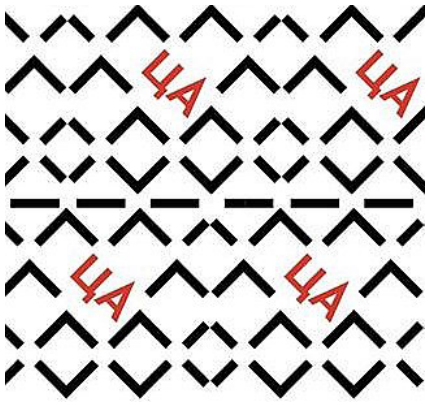

Рис. 4. Логотип Центра авангарда с использованием паттерна планировки Хавско-Шаболовского жилмассива.
Fig. 4. Avant-garde centre logo, using planning pattern of Khavsko-Shabolovsky residential district.

Интернет-ресурсы о Хавско-Шаболовском жилмассиве концентрируются на архитектурных особенностях квартала, изначальном проекте планировки, покраски и их последующей утере (рис. 5).

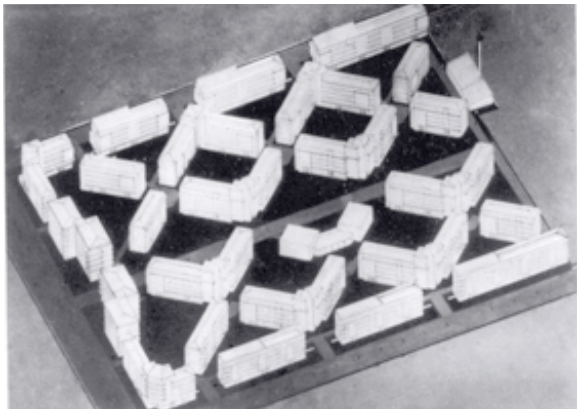

Рис. 5. Хавско-Шаболовский жилмассив. Материал сайта DOCOMOMO[1].
Fig. 5. Khavsko-Shabolovsky residential district, displayed on DOCOMOMO website.

«К сожалению, в 1970–1980-х годах большинство домов Хавско-Шаболовского района надстроили, выровняв их силуэт, и они

1 http://www.docomomo.ru/ru/location/havsko-shabolovskiy-zhiloy-kompleks.

превратились в примитивные здания-коробки. При реконструкции появились технические этажи и лифты, деревянные перекрытия были заменены на железобетонные...»

Экскурсии по кварталу до 2014 г. освещали в основном архитектурную историю и особенности квартала. Слушателям предоставлялась информация и о других проектах архитекторов группы АСНОВА, например левитирующем Дворце советов И. Йозефовича. Публикации в СМИ до 2014 г. касаются в первую очередь периода появления жилмассива и его архитектуры в послереволюционном СССР; комплекс упоминается в качестве выявленного объекта культурного наследия, проясняется ценность жилмассива и подобных ему объектов.

> Самое правильное сегодня — сохранить для этих жилых комплексов статус выявленных объектов наследия. К тем, что уже его имеют, я бы добавил Хавско-Шаболовский поселок...
> *«Известия», 06.02.2009.*

С 2014 г. образ Хавско-Шаболовского жилмассива на выставках и мероприятиях галереи и Центра авангарда дополняется материалами жителей квартала: фотографиями из личных архивов, воспоминаниями. Резиденты становятся участниками событий, организованных учреждениями культуры.

> Среди 200 посетителей (мы не рассчитывали на столь большое количество) явно были шаболовские. Ну и, конечно, за громкоговоритель в одиннадцать ночи на нас накричали из окна, как раз в Хавско-Шаболовском :)
> *Онлайн-интервью с активистом.*

Среди жителей появляются постоянные «партнеры» Центра авангарда и галереи, посещающие кураторские встречи по организации мероприятий, связанных с историей района, предоставляющие личные фотографии, дающие интервью, проводящие экскурсии. В 2017 г. в галерее организована постоянная экспозиция музея района, где представлены детали интерьеров окрестных домов, записи интервью с жителями, справочные материалы, в том числе о Хавско-Шаболовском жилмассиве.

В то же время нарратив сообщений в блогах в отличие от китайских кейсов сконцентрирован исключительно на архитектурных особенностях квартала (рис. 6). Визуальные репрезентации по возможности освобождены от человеческого присутствия, объектом внимания являются фасады, элементы домов, общая перспектива; описание квартала из специализированной книги ретранслируется без «перевода» на обыденный язык.

«Идея состояла в том, что внутри квартала диагонально располагаются угловые корпуса, повышенные угловые части которых просматриваются со стороны продольных улиц через просветы в периметральной застройке, а с торцевой стороны квартала устроены своеобразные пропилеи, ведущие на внутренний проезд» (не обозначенный в качестве цитаты текст из книги) [Хан-Магомедов, 2001]

Рис. 6. Хавско-Шаболовский жилмассив. Материал блога[1].

Fig. 6. Khavsko-Shabolovsky residential district, displayed in private blog.

4. Репрезентации прошлого. Память

В первой части статьи мы представили типологию видов памяти, из которых для дальнейшего анализа были выбраны социальная, культурная и коллективная. В данном разделе рассмотрим, какие элементы репрезентаций позволяют говорить о структуре и динамике памяти.

Нарративы часто содержат ссылки на конкретные периоды и события в истории, вариативность периодов невелика. Характерно упоминание времени постройки — это легитимный дискурс, и, как правило, он первым предъявляется как в интервью жителей, так и в текстах, описывающих кварталы. Для московского кейса этот

1 https://babs71.livejournal.com/835365.html.

период охарактеризован через культурную память как время расцвета конструктивизма; для китайских — через политическую память, то есть унифицированные, легитимизованные властью конструкты: как время первой пятилетки, активной деятельности Мао Цзэдуна и китайско-советской дружбы; при этом архитектурный контекст не упоминается. Таким образом, для Хавско-Шаболовского жилмассива в отличие от китайских кейсов ниша политической памяти остается свободной.

В интервью с жителями обоих китайских объектов возникла тема, связанная с масштабными политическими событиями страны: спонтанные воспоминания об изменениях в жизни района, приуроченные к культурной революции, связанные с потерей, травмой, внезапным разрушением соседского общения. Это уникальные воспоминания, не встречающиеся ни в СМИ, ни в блогах, ни в экспертных заключениях.

> После культурной революции не стало, а до — всё было: и баскетбольная площадка, и места для настольного тенниса...
> *Интервью с жителем, Тайюань.*

> Посередине, между этими домами, был квадратный цветник с кустами боярышника... В культурную революцию председатель Мао организовал работу над обустройством бомбоубежищ, и тут же стали рыть убежище на месте клумбы.
> *Интервью с жителем, Тайюань.*

Память о событиях культурной революции можно отнести к уровню социальной памяти. Такой нарратив пока не проявляется в публичном дискурсе — сообщениях не-очевидцев, СМИ, экспозициях культурных организаций, — но его носители готовы делиться воспоминаниями в коммуникации. Существование такой памяти, по мнению Ассман, важно для переработки сообществом пережитой травмы.

Обсуждение массового травматического опыта полностью отсутствует в интервью с жителями Хавско-Шаболовского жилмассива. Социальная память — это своеобразная «оперативная память» [Ассман, 2014, с. 16] общества, и, хотя в качестве ее носителя могут выступать не только межпоколенческие диалоги, но и фотоальбомы, мемуары, дневники и т. п. предметы, данные о периоде репрессий в документальных воспоминаниях жителей Хавско-Шаболовского жилмассива отсутствуют. База данных «Последний адрес» содержит 19 записей о репрессированных в 1930-е годы гражданах, прописанных в жилмассиве[1]. В конце 2017 г. этот сюжет, доступный в «запас-

1 goo.gl/aTTQiR

никах» накопительной памяти [Там же, с. 34], перешел на уровень культурной памяти: проведена выставка, посвященная жертвам политических репрессий, проживавшим в квартале[1].

Можно предположить, что в китайских кейсах негативный исторический опыт имеет шанс быть «проработанным» в культурную память в случае его появления на публичных площадках репрезентации, поскольку на уровне социальной памяти остались воспоминания жертв и свидетелей.

В интервью с современными обитателями Хавско-Шаболовского жилмассива спонтанно возникают те или иные отсылки к истории и художественной ценности жилья: темы, являющиеся центральными для культурных организаций, переходят и в нарративы жителей, представляясь им более ценными, чем собственный опыт проживания в квартале. Так, зачастую информанты, даже живущие в Хавско-Шаболовском жилмассиве несколько десятилетий, обесценивают свои знания, поскольку переехали «слишком поздно» и «не застали» самых примечательных страниц истории квартала.

Другая тема, не являющаяся политически сенситивной и потенциально способная появиться на страницах СМИ или в частных записанных воспоминаниях, однако также не обнаруженная в ходе исследования, — традиции отмечания праздников и знаменательных дат. Совместные празднования во дворах вспоминают респонденты и в Москве, и в Китае. В китайских районах воспоминания касаются прежде всего идеологических праздников.

> В нашем районе празднований нет. ... клуб уже давно закрыт. Раньше кино смотрели, проводили собрания, пели песни. Праздник Первого июля [День образования Коммунистической партии Китая, 1921 г.] отмечали, партийный праздник. Других не было, похоже на Советский Союз, всё социалистические праздники.
> *Интервью с жителем, Тайюань.*

Для многих жителей значимым воспоминанием являются не только празднования, но и инфраструктура досуга в целом.

> У нас, например, была такая штука: заливали каток, проводили туда электричество, и мы катались на коньках. А летом все это убиралось, ставилась эстрада, и на ней выступали бесплатно актеры, певцы, то танцевали на ней.
> *Интервью с жителем, Хавско-Шаболовский жилмассив.*

Ни для одного из рассматриваемых кейсов не встретилось информации о сохранившихся праздничных традициях даже в случае

1 https://www.nashabolovke-gallery.com/blank-ts10x.

с Китаем, где в квартирах проживают не сменявшиеся несколько десятилетий семьи. В то же время опыт дворового досуга был переосмыслен в Хавско-Шаболовском жилмассиве. Во время «Ночи музеев» в 2014 г. в одном из дворов прошел джазовый концерт в память о дворовой сцене времен СССР, о которой говорит, например, один из жителей в 1940-е годы: «*Приходил гармонист, стоял рояль*». В рамках того же мероприятия состоялась экскурсия «Шаболовка: рентген», где были использованы материалы, полученные от жителей.

> В ходе ночной прогулки по району на стенах зданий 1910–1930-х годов проступит их скрытая днем история: лица архитекторов, эскизы и чертежи, архивные фотографии и портреты жителей, фото из семейных архивов.
> *Описание экскурсии в объявлении.*

Таким образом артефакты социальной памяти переносятся в память культурную: мероприятия на основе реальных событий, проходившие на данной территории, проводятся для широкого круга участников, в основном не резидентов и не знакомых с локальной историей жилмассива, однако приобщающихся к ней через организованный праздник.

В уханьском кейсе современные районные празднования также организованы внешними агентами — местным аналогом Комитета социальной защиты пожилых людей. Набор дат и способы их отметить носят стандартный общенациональный характер, память о прошлом квартала в данном случае никак не проявляется. Не ставится задача привлечения внешний аудитории в рамках праздников: это «домашнее» мероприятие для сложившегося соседского коллектива.

О переходе артефактов социальной памяти в культурную может косвенно свидетельствовать также ассортимент вариантов названий и их переход на «официальные носители»: в названия остановок, надписи от имени администрации и т. п. Например, для обозначения жилмассива металлургического комбината в Ухани помимо формального названия чаще используют «стальной город» и «красные дома» по цвету кирпича. Это отражено и в официальной топонимической практике — названии близлежащей автобусной остановки. Для московского жилмассива альтернативное название, несмотря на характерность архитектурно-планировочной формы, отсутствует; также нами не встречено альтернативного варианта названия заводского жилмассива в Тайюане.

Какие-либо отсылки к теме рабочего класса практически отсутствуют для московского кейса, но присутствуют в разнообразных формах в китайских кейсах. Для Хавско-Шаболовского жилмасси-

ва единственной репрезентацией, связанной с рабочими, является видеосюжет для одноименного раздела выставки «Жизнь рабочих дворов»[1].

Для китайских кейсов фланеры-блогеры и журналисты представляют нарративы о трудовых биографиях жильцов, дополненные яркими визуальными образами, — портретами Мао, заводским оборудованием и т. п. Наличие и активное использование символики рабочего класса, с помощью которой выстраивается «мы-идентичность», в репрезентациях китайских кейсов, согласно теории Ассман, может трактоваться как манифестация коллективной, или политической памяти [Ассман, 2014, с. 21]. Другой образ, относящийся к коллективной памяти, — политический курс 1950-х, сочетающий такие легитимные в современном КНР «коды», как первая пятилетка, деятельность Мао Цзэдуна, китайско-советская дружба.

Для Хавско-Шаболовского жилмассива ниша коллективной памяти свободна: и архитектурные, и дворовые репрезентации остаются на уровне социальной и культурной памяти. Территория становится мемориальной за счет «устойчивых форм сохранения» в пространстве [Там же, с. 136]. Для всех кейсов имеются работы специалистов с предложениями по таким формам. Элементы дизайна территории, предлагаемые экспертным сообществом для публичных мемориальных репрезентаций, могут совпадать или отличаться от элементов, актуальных для индивидуальной или социальной памяти жителей. В случае совпадения можно говорить о переходе социальной или индивидуальной памяти в культурную. В случае отличия — об экспертном конструировании культурной памяти. Так, для Хавско-Шаболовского жилмассива эксперты выделяют цветовую схему фасадов, введенную при постройке и сохранявшуюся несколько десятилетий (рис. 7.1). В рекомендациях по ревитализации жилмассива в Тайюане эксперты предлагают акцентировать внимание на «типично советских» аутентичных чертах: центрированной планировке внутренних дворов и схеме озеленения, выборе нехарактерных для Тайюаня тополей для озеленения, о которых также часто упоминают и жители (рис. 7.2).

Проекты ревитализации жилмассива в Ухани весьма разнообразны и предлагают работу с такими символами и образами, как горячая сталь, красное знамя и др. Характерно выдвижение велосипеда (вернее, велосипедных колес), транспортного средства из повседневности рабочего, в качестве варианта мемориального символа для ландшафтного оформления территории (рис. 7.3).

1 Видеоработа художника О.Дмитриевой: https://vimeo.com/155284769.

Рис. 7. Визуальные репрезентации значимых исчезнувших либо требующих охраны элементов.
Fig. 7. Visual representations of significant elements, extinct or nominated for protection.

Рис. 7.1. Жилмассив завода горно-шахтного оборудования, Тайюань. Структура внутренних дворов, озеленение. (Рекомендации по ревитализации квартала)
Fig. 7.1. Mining machinery residential district. Courtyard layout and greenery. (Recommendations on district revitalisation).

Рис. 7.2. Хавско-Шаболовский жилмассив, Москва. Цветовая схема фасадов. (М. Фадеева, презентация Шаболовского кластера[1])
Fig. 7.2. Khavsko-Shabolovsky residential district, façade colour scheme. (Maria Fadeeva, presentation on Shabolovsky cluster)

1 https://www.slideshare.net/mariafadeeva16/shukhov-tower-and-cultural-cluster-of-shabolovka.

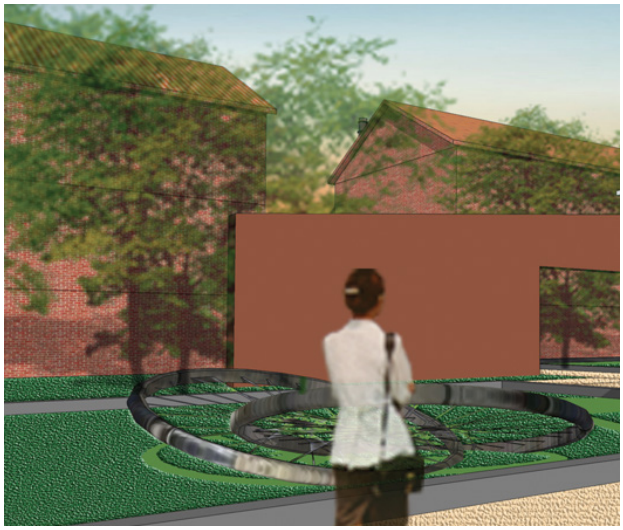

Рис. 7.3. Жилмассив металлургического комбината, Ухань. Имитация колес велосипеда, основного транспорта рабочего, в ландшафтной композиции. (Рекомендации по ревитализации квартала)

Fig. 7.3. Steel plant residential district. Landscape sculpture imitating bicycle wheels, main transportation means of the worker. (Recommendations for district revitalisation)

Заключение

Высокий уровень причастности, транслируемый в сообщениях различного рода о кейсах КНР, можно противопоставить более официальному тону репрезентаций Хавско-Шаболовского массива. В целом стратегия представления московского кейса основана на информировании о том, что может быть неизвестно и незаметно посетителю квартала. Дискурс сообщений о жилмассивах КНР — комплексный, включающий в себя как информацию из сферы истории и архитектурного дизайна, так и описание эмоций, которые способен испытать любой. Данный эффект становится возможным за счет работы политической памяти — отсылки к универсальным ассоциациям национальной историографии, доведенных до всего населения страны. Тема низкого качества жилья, ветшания и износа, актуальная прежде всего для жителей, переходит в Китае на экспертный и публичный уровни.

Если для китайских кейсов элементы, предлагаемые экспертами к включению в публичный мемориальный дискурс, т. е. культурную память, совпадают с нарративами социальной памяти жителей, то для Хавско-Шаболовского жилмассива эксперты, обращаясь к ранней истории квартала, вынуждены формировать предложения

в отсутствии социальной памяти об этом периоде. «Длинная тень прошлого», то есть социальная память о жилмассивах Ухани и Тайюаня, сформирована как негативными, так и позитивными воспоминаниями о жизни кварталов. Условие существования «плотной тени» — не только несменяемость состава жильцов, но и ценность их воспоминаний и опыта для них самих.

Официальная историографическая повестка — национальная (политическая) память, по мнению Ассман, влияет на нормативную ориентацию социальной памяти [Ассман, 2014, с. 127], продвигая вперед или, напротив, оставляя за рамками нарратива памяти определенные темы. Воспоминания о повседневном быте рабочего, вероятно, легко возникают в интервью с жителями китайских кейсов именно потому, что социалистическая ностальгия — легитимная тема как в рамках официальной государственной идеологии, так и на рынке развлечений в КНР. С другой стороны, слияние нарратива с политической памятью угрожает существованию множественности интерпретации, поскольку один из эффектов политической памяти — упрощение.

Хавско-Шаболовский жилмассив, напротив, остался скорее без естественным образом сохраненной в индивидуальной или социальной памяти «тени». Социальная память в данном случае весьма слаба. Вслед за экспертами многие жители считают наиболее интересным периодом существования квартала время, которое никто из них, их родственников или собеседников застать не мог бы, и обесценивают собственный опыт использования квартала, к которому не проявлен санкционированный интерес. В то же время силами местной галереи тень реконструируется, продвигаясь от архитектурных к биографическим репрезентациям квартала.

Опасность для китайских кейсов может состоять в близости социальной памяти к политической, так что образы живого опыта резидентов могут «коснеть» и становиться ближе к мифологическим, аффективное воздействие которых сильнее, но безличнее. Подобные проявления в постсоциалистических пространствах, переходящих к новой экономике эмоций, могут быть предпосылкой для коммерционализации, развития индустрии «красного туризма», отчуждения квартала от его жильцов.

Все рассмотренные кейсы имеют схожие позиции в структурах памяти: с одной стороны, содержание воспоминаний о факте постройки, по-видимому, претерпело некоторое «символическое и мифическое обобщение» [Там же, с. 145] и представляет собой легитимизованный нарратив о предметах национальной гордости, актуальных на сегодня, — зарождении индустриального производства в КНР и развитии архитектуры авангарда в СССР. С другой стороны, такая легитимность позволяет пространствам продолжать физиче-

ское существование, что в свою очередь наделяет голосом агентов, транслирующих не только легитимные, но иногда и проблемные с точки зрения политической повестки нарративы.

Библиография

Ассман А. (2014) *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. перевод Б. Хлебникова, М.: Новое литературное обозрение.

Бартмански Д. (2011) Успешные иконы эпохи, потерпевшей крах: переосмысливая посткоммунистическую ностальгию. *Социологическое обозрение*, 10 (3): 71–78.

Красухин Г. (2008) *Комментарий. Не только литературные нравы*, М.: Языки славянской культуры.

Хан-Магомедов С.О. (2001) *Архитектура советского авангарда: Социальные проблемы. Книга вторая*, М.: Стройиздат.

Ярская-Смирнова Е. (2009). *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*, М.: ANO CSPGS.

Bach J. (2014) Consuming Communism. *Anthropology and Nostalgia*: 123–138.

Burawoy M., Verdery K. (1999) *Uncertain transition: ethnographies of change in the post-socialist world*, Lanham: Rowman & Littlefield.

Caraba C.C. (2011) Communist heritage tourism and red tourism: concepts, development and problems. *Cinq Continents*, (1): 29–39.

Colomb C., Novy J. (2016) *Protest and Resistance in the Tourist City*, Routledge.

Czepczyński M. (2008) *Cultural Landscapes of Post-socialist Cities: Representation of Powers and Needs*, Burlington: Ashgate Publishing, Ltd.

Diener A.C., Hagen J. (2016) *From Socialist to Post-Socialist Cities: Cultural Politics of Architecture, Urban Planning, and Identity in Eurasia*, Routledge.

Hall S. (1997) *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*, SAGE Publications.

Hall S. (1999) Unsettling “the heritage”, reimagining the postnation: Whose heritage? *Third Text*, 13 (49): 3–13.

Harvey D.C. (2001) Heritage pasts and heritage presents: temporality, meaning and the scope of heritage studies. *International Journal of Heritage Studies*, 7 (4): 319–338.

Hewison R. (1987) *The heritage industry: Britain in a climate of decline*, London: Methuen.

Light D. (2000a) An unwanted past: Contemporary tourism and the heritage of communism in Romania. *International Journal of Heritage Studies*, 6 (2): 145–160.

Light D. (2000b) Gazing on communism: heritage tourism and post-communist identities in Germany, Hungary and Romania. *Tourism Geographies*, 2 (2): 157–176.

Negussie E. (2007) Managing conservation of the built heritage in post-socialist Budapest: Evidence from the old Jewish quarter. *International Journal of Heritage Studies*, 13 (2): 136–153.

Poria Y., Ivanov S., Webster C. (2014) Attitudes and willingness to donate towards heritage restoration: an exploratory study about Bulgarian socialist monuments. *Journal of Heritage Tourism*, 9 (1): 68.

Stanciugelu Ş., Ţăranu A., Rusu I. (2013) The communist cultural heritage in the social representations of a post-communist generation. *European Journal of Science and Theology*, 9 (2): 1–17.

Stenning A. (2000) Placing (Post-) Socialism The Making and Remaking of Nowa Huta, Poland. *European Urban and Regional Studies*, 7 (2): 99–118.

Stenning A. (2005) Where is the Post-socialist Working Class?: Working-Class Lives in the Spaces of (Post-Socialism). *Sociology*, 39 (5): 983–999.

Todorova M., Gille Z. (2012) *Post-communist nostalgia*, Berghahn Books.

Zukin S. (1995) *The Cultures of Cities*, Cambridge: Wiley.

References

Assman A. (2014) *Dlinnaja ten' proshlogo. Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika. [The Long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Policy],* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Bach J. (2014) Consuming Communism. *Anthropology and Nostalgia*: 123–138.

Bartmanski D. (2011) Uspeshnye ikony jepohi, poterpevshej krah: pereosmyslivaja postkommunisticheskuju nostal'giju. *Sociologicheskoe obozrenie,* 10 (3): 71–78.

Burawoy M., Verdery K. (1999) *Uncertain transition: ethnographies of change in the post-socialist world*, Lanham: Rowman & Littlefield.

Caraba C.C. (2011) Communist heritage tourism and red tourism: concepts, development and problems. *Cinq Continents*, (1): 29–39.

Colomb C., Novy J. (2016) *Protest and Resistance in the Tourist City*, Routledge.

Czepczyński M. (2008) *Cultural Landscapes of Post-socialist Cities: Representation of Powers and Needs*, Burlington: Ashgate Publishing, Ltd.

Diener A.C., Hagen J. (2016) *From Socialist to Post-Socialist Cities: Cultural Politics of Architecture, Urban Planning, and Identity in Eurasia*, Routledge.

Hall S. (1997) *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices*, SAGE Publications.

Hall S. (1999) Unsettling "the heritage", reimagining the postnation: Whose heritage? *Third Text*, 13 (49): 3–13.

Han-Magomedov S.O. (2001) *Arhitektura sovetskogo avangarda: Social'nye problemy. Kniga vtoraja. [Soviet Avant-garde Architecture: Social Problems. Book two],* Moscow: Strojizdat.

Harvey D.C. (2001) Heritage pasts and heritage presents: temporality, meaning and the scope of heritage studies. *International Journal of Heritage Studies*, 7 (4): 319–338.

Hewison R. (1987) *The heritage industry: Britain in a climate of decline*, London: Methuen.

Jarskaja-Smirnova E. (2009) *Vizual'naja antropologija: rezhimy vidimosti pri socializme. [Visual Anthropology: Visibility Regimes during Socialism],* Moscow: ANO CSPGS.

Krasuhin G. (2008) *Kommentarij. Ne tol'ko literaturnye nravy. [A Comment. Not only Literature Natures],* Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury.

Light D. (2000b) Gazing on communism: heritage tourism and post-communist identities in Germany, Hungary and Romania. *Tourism Geographies*, 2 (2): 157–176.

Negussie E. (2007) Managing conservation of the built heritage in post-socialist Budapest: Evidence from the old Jewish quarter. *International Journal of Heritage Studies*, 13 (2): 136–153.

Poria Y., Ivanov S., Webster C. (2014) Attitudes and willingness to donate towards heritage restoration: an exploratory study about Bulgarian socialist monuments. *Journal of Heritage Tourism*, 9 (1): 68.

Stanciugelu Ş., Țăranu A., Rusu I. (2013) The communist cultural heritage in the social representations of a post-communist generation. *European Journal of Science and Theology*, 9 (2): 1–17.

Stenning A. (2000) Placing (Post-) Socialism The Making and Remaking of Nowa Huta, Poland. *European Urban and Regional Studies*, 7 (2): 99–118.

Stenning A. (2005) Where is the Post-socialist Working Class?: Working-Class Lives in the Spaces of (Post-Socialism). *Sociology*, 39 (5): 983–999.

Todorova M., Gille Z. (2012) *Post-communist nostalgia*, Berghahn Books.

Zukin S. (1995) *The Cultures of Cities*, Cambridge: Wiley.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Рудь Д.С. (2017) Практики репрезентации жилища рабочих на примере построек СССР и КНР. *Социология власти*, 29 (4): 172–196.

Rud D.S. (2017) Discursive representations of workers' habitat: USSR and PRC dwellings examples. *Sociology of power*, 29 (4): 172–196.

Поступила в редакцию: 09.04.2017; принята в печать: 20.12.2017